

Наложница Ли была весьма польщена похвалой Ши Жосяня, заливаясь звонким смехом.

— Раз ты довольна, значит, всё хорошо. Мне нет дела до того, что говорят другие. Раз ты стала женой моего сына, я буду любить тебя как родную дочь.

Ши Жосянь замялся:

— Разве это прилично?

Улыбка на лице наложницы Ли осталась прежней, но в глазах промелькнул холодок. Се Моюнь слегка нахмурился, собираясь заступиться за Ши Жосяня, но тот уже продолжил:

— Матушка еще так молода, расцветает, словно персик в весеннюю пору. Называть друг друга матерью и дочерью нам совсем не к лицу, а сестрами — слишком уж легкомысленно... — Ши Жосянь изобразил крайнюю степень замешательства. — И как же нам быть?

Наложница Ли рассмеялась так, что ее украшения в волосах зазвенели:

— Да я вдвое старше тебя, глупышка.

Ши Жосянь притворно прикрыл рот рукой:

— Не может быть! Матушка, не обманывайте меня. Если мы выйдем вместе, кто не решит, что мы сестры? А может, кто-то даже подумает, что это я старшая.

В другой комнате Ши Жосянь еще не подозревал, что его плоская грудь и отсутствие пышных форм уже стали предметом обсуждения.

— Мандаринки? — наложница Ли нахмурилась, размышляя. — Люди из Лоуланя все статные, неудивительно, что их женщины выше наших.

Она прочистила горло:

— Посмотрите на меня, заговорила с вами и забыла, что скоро вам во дворец на аудиенцию. Супруге принца пора приводить себя в порядок, не опаздывайте.

— Ваша светлость краше всех в гареме, если уж вы беспокоитесь о внимании императора, то что же делать остальным? — заметила Юйшань, служанка, долгие годы прислуживавшая наложнице Ли. Она подошла и поддержала госпожу под руку.

Наложница Ли подняла глаза к небу, где солнечный свет пробивался сквозь бамбуковые листья в галерее, и улыбнулась:

— Какой сегодня чудесный день.

Юйшань кивнула и добавила:

— Супруга принца, конечно, хороша собой, но в резиденции от этого мало толку. Видите ли, — она понизила голос, — хотя она и красавица, но фигура у нее совсем плоская, не похоже, что она сможет легко родить наследника.

Наложница Ли ласково погладила руку Ши Жосяня:

— Моюню повезло: супруга умна, рассудительна и красива. Мне она нравится все больше. Если Моюнь когда-нибудь обидит тебя, сразу говори мне — я задам ему взбучку.

Наложница Ли помолчала, а затем прошептала:

— Если бы тогда Лоулань предложил в качестве супруга не принца, а самого императора, боюсь, в гареме всё перевернулось бы с ног на голову.

Ши Жосянь, спеша, впопыхах натянул одежду. Наложница Ли окинула взглядом их обоих:

— У новобрачных всегда полно тем для разговоров. Вы тут пообщайтесь, а я подожду снаружи.

— У госпожи сегодня прекрасное настроение, всё кажется ей хорошим, — заметила Юйшань, когда они вышли. — Супруга принца очень пришлась ей по душе.

Но из уст Юйшань эти слова не звучали так приятно, как от Ши Жосяня.

Ши Жосянь выглядел снаружи неплохо, но под слоями одежды всё было набито кое-как. Он разглядывал двух птиц с черно-белым оперением на ткани и нахмурился:

— Это что, утки?

— Это, несомненно, мандаринки, — ответил Се Моюнь.

Ши Жосянь вытащил из-за воротника красный уголок ткани и медленно извлек весь дудоу целиком.

Юйшань осторожно добавила:

— Мне показалось, что фигура у супруги принца крупнее, чем у обычных женщин.

Се Моюнь промолчал.

— Матушка так добра ко мне, — пробормотал Ши Жосянь.

Се Моюнь кивнул:

— Благодарю за заботу, матушка.

Юйшань пообещала исполнить поручение, мысленно перебирая всевозможные тонизирующие средства и народные рецепты.

Ши Жосянь на глазах у Се Моюня бесцеремонно развязал пояс и нахмурился, ворча под нос. К счастью, одежда была надета неровно, и это придавало груди хоть какой-то объем, иначе всё было бы совсем плоско.

Ши Жосянь вдруг почувствовал, что выражение лица наложницы Ли означало: она всё поняла.

Наложница Ли увела свою свиту, не забыв прикрыть за собой дверь.

Она подошла к Ши Жосяню и взяла его за руку:

— Моюнь не умеет выражать свои чувства. В будущем помогай ему, и я буду спокойна.

Наложница Ли приложила руку ко лбу:

— Не родная мать, всё же есть дистанция. Но чтобы удержаться в гареме, где милость императора переменчива, нужно опираться на надежного принца...

— Вернувшись во дворец, пришлите мой браслет из бирюзы. Найдите стражника помоложе, пусть передаст его прямо в руки Девятому принцу.

Наложница Ли была в восторге от своей затеи. Ши Жосянь стоял в недоумении, держа в руках развернутый предмет одежды.

— Как же ты так небрежно одеваешься? — вздохнула наложница Ли.

— Муж, что это? — спросил Ши Жосянь.

Увидев две завязки, свисающие снизу, он перевернул ткань и наконец узнал эту вещь.

— Да ладно! — воскликнул Ши Жосянь, и его глаза загорелись.

ДНК, заложенная в его теле, проснулась.

Яркий красный цвет, дизайн завязок и две играющие в воде уточки-мандаринки.

Это же он! Тот самый красный дудоу с мандаринками, что был на наложнице Сунь и ее любовнике!

Се Моюнь искренне восхищался Ши Жосянем. Понятие приличий для того просто не существовало. Если человек не зависит от чужого мнения, он непобедим. Ши Жосянь явно не беспокоился о светских условностях, иначе не стал бы с таким восторгом размахивать своим

дудоу перед Се Моюнем.

Се Моюнь, чувствуя, как лицо заливают жар, подошел к нему.

— Ты даже одеться не умеешь? Как ты вообще выжил в Лоулане?

Хотя он ворчал, руки уже сами принялись расстегивать верхнее платье Ши Жосяня. Тот послушно позволил ему заниматься своим гардеробом. Се Моюнь снимал слой за слоем, пока не добрался до последнего, и тут замер.

Ему не обязательно было делать это самому. Ши Жосянь не умел одеваться, но раздеться точно мог. Помогая ему, он чувствовал, будто замышляет что-то непристойное. Се Моюнь не мог оправдаться перед самим собой — почему он только сейчас это осознал? Было ли это минутным порывом или подсознательным желанием прикоснуться к нему? Как бы то ни было, продолжать он не мог.

Ши Жосянь посмотрел на застывшего Се Моюня:

— Ты заболел?

Он ткнул пальцем в мочку уха Се Моюня:

— У тебя не только красное лицо, но и уши горячие.

Се Моюнь отвернулся и кашлянул:

— Я не болен.

— Ты же кашляешь, зачем упрямиться? — хмыкнул Ши Жосянь.

Се Моюнь перевел тему:

— Не крутись. Смотри внимательно, я не смогу каждый день помогать тебе одеваться.

Он взял верхнюю одежду и, когда Ши Жосянь хотел что-то сказать, крепко затянул пояс, прерывая его на полуслове.

Все три слоя одежды имели пояса. Этот метод повторился трижды.

Ши Жосянь поправил воротник и нахмурился:

— Мне кажется, ты делаешь это специально.

Се Моюнь взял последний пояс и снова туго затянул его. Ши Жосянь часто задышал:

— Ты точно специально не даешь мне говорить...

Его талия была перетянута так туго, что он с трудом выдохнул и заявил с уверенностью:

— Я понял. У тебя явно что-то не в порядке, вот ты и злишься, как только я говорю о твоей болезни.

Се Моюнь промолчал. Если он не ответит, может, Ши Жосянь замолчит? Он решил попробовать.

Но рот Ши Жосяня замолчал лишь на пару секунд, а мозг работал без остановки. Се Моюнь молчит — значит, я попал в точку.

Взгляд Ши Жосяня блуждал по фигуре Се Моюня. Тот был вылитый главный герой: широкие плечи, прямая спина, длинные руки и ноги, красивое лицо. В оригинале книги не упоминалось, что у Се Моюня есть недуги, и это заставило Ши Жосяня задуматься. Если внешне всё в порядке, значит, болезнь скрытая.

Ши Жосянь медленно перевел взгляд с лица Се Моюня ниже...

Се Моюнь почувствовал неладное.

Ши Жосянь пристально уставился на область ниже живота Се Моюня, выражение его лица постоянно менялось. Он почесал подбородок. В тот день, когда они столкнулись, размер вроде бы был приличный. Значит...

Истина только одна!

Ши Жосянь указал на лицо Се Моюня, а затем провел пальцем прямую линию вниз:

— Муж, у тебя что, не встает?

Се Моюнь почернел от ярости:

— Нет!

— Не может быть, — тут же парировал Ши Жосянь. — Почему же тогда вчера ночью ты даже не шелохнулся?

За дверью послышался едва уловимый звук. Се Моюнь с мрачным видом распахнул дверь и столкнулся нос к носу с наложницей Ли.

— Я видела, что вы долго не выходите, и решила проверить, — наложница Ли старалась сохранять невозмутимость, но голос ее дрогнул. — Я не хотела подслушивать, но если у тебя, Моюнь, правда... я могу найти нужные рецепты.

Кровь ударила Се Моюню в голову, в висках запульсировала острая боль.